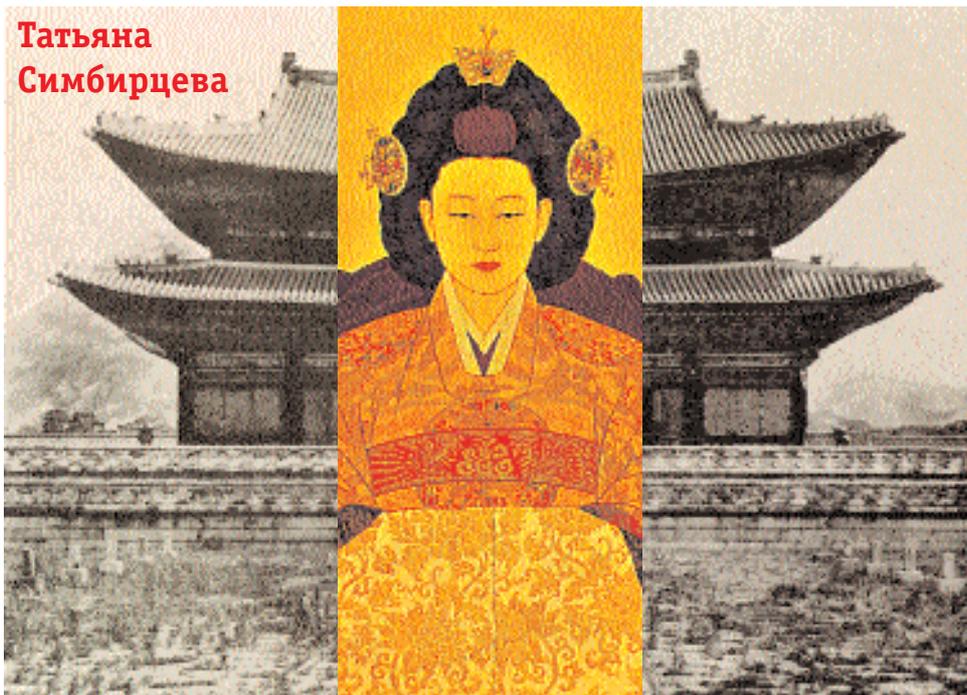

**Татьяна
Симбирцева**

Убийство во дворце Кёнбоккун

Супруга 26-го вана последней династии Чосон (1392–1910) королева Мин (1851–1895) – одна из самых известных и загадочных персонажей корейской истории нового времени. Она, собственно, не была королевой в том смысле, как это понимается в Европе. Она была главной женой вана – би, однако в западной и российской историографии её называют именно королевой. И я буду называть её так же, поскольку более адекватного русского названия её статуса пока никто не предложил.

История королевы Мин никого не оставляет равнодушным. Кто она была? Дочь захудалого и обнищавшего клана, который при ней поднялся на вершины влияния и могущества; единственная (!) и образцовая жена склонного к авантюризму и нерешительного вана, его опора, защита и единственный друг; мать наследника и Мать страны; знаток конфуцианской классики; сознательная хранительница и невольная нарушительница традиции и предвестница перемен; тонкий психолог и дипломат; хитрая интриганка и заговорщица; глава консервативной группировки, добившаяся (женщина!) поддержки виднейших конфуцианцев страны; всевластная правительница; мучительница и жертва...

Причудливым образом судьба королевы оказалась связана с Россией. Об этом мне и хотелось бы рассказать читателям «Восточной коллекции».

Татьяна Михайловна
Симбирцева – кандидат
исторических наук.

// осень 2004 //

На рассвете 8 октября 1895 г. в Сеуле свершилось невиданное злодеяние. Группа вооружённых японцев, в основном так называемых «наёмных мечей», в сопровождении отряда корейских солдат ворвалась во дворец Кёнбоккун, разогнала охрану и убила супругу вана Коджона – королеву Мин. Это произошло в её собственной спальне, на глазах у парализованных ужасом придворных дам и прислуги. Как вскоре выяснилось, организатором этого кровавого заговора был японский посланник в Корею отставной генерал Миура Горо, а непосредственными участниками, кроме наёмников, некоторые японские дипломаты и журналисты.

Сенсационная новость облетела газеты многих стран мира, вызвав множество вопросов. Почему убили именно королеву, а не главу государства или наследника? Какой она была? Какую роль играла в своём государстве? Чем вызвала такую ненависть? Какие цели преследовал Миура? На многие вопросы нет ответа до сих пор.

Дело об убийстве королевы с первого дня было окутано тайной. Не пролили на него свет и показательные суды. Один состоялся в декабре 1895 г. в Сеуле и осудил случайных людей, никакого отношения к убийству не имевших. Второй прошёл в январе 1896 г. в Хиросиме и признал заговорщиков невиновными. Миуру пожурили за самоуправство и перевели на должность не ниже предыдущей. Даже изображение королевы, которое в то время опубликовали западные газеты, при ближайшем рассмотрении оказалось портретом неизвестной китайской красавицы XVIII в.

В разные периоды истории оценки деятельности королевы Мин менялись и нередко были диаметрально противоположными. Её современник и враг, граф Иноуэ Каору, бывший до сентября 1895 г. японским посланником в Корею, а впоследствии министром иностранных дел Японии, говорил о ней: «Мало найдется в Корею людей, равных Её Величеству по проницательности и дальновидности. В искусстве же умиротворения врагов и завоевания преданности подданных у неё нет равных». «Воплощением всех зол разлагающейся династии» называли королеву

Мин соотечественники в период японского колониального господства (1910–1945). До конца XX в. в Корею не было специальных исследований, посвящённых жизни и деятельности этой несомненно выдающейся правительницы. Её не было в школьных таблицах значительных фигур корейской истории. И это тем более странно, что в этих хрестоматийных таблицах значатся и менее известные люди, а королева Мин была фактически главой государства, всю жизнь боролась против проникновения японцев в Корею и погибла от их руки, а борцы за независимость пользуются у корейцев безграничным уважением.

Целое столетие эта женщина была жертвой заговора молчания. Причин, думается, было несколько. Первая: в конфуцианском мире, где принцип «мужчина – Небо,

Центральная улица Сеула. 1895 г.

женщина – Земля» был основополагающим до конца 1980-х годов, появление выдающейся женщины (не образцовой невестки, матери и супруги, а политической и общественной деятельницы) воспринималось не иначе как вызов устоям. Корейские знатные женщины в период Чосон вели затворнический образ жизни, и чем выше было их социальное положение, тем жёстче была их изоляция. О супругах ванаов корейские хроники писали крайне мало, упоминая их исключительно в связи с бракосочетанием, рождением детей или смертью. Другая причина заговора молчания заключается в сильнейшем японском влиянии на историческую науку и общественное сознание, сохранявшемся в Корею на протяжении всего XX столетия. Как ни странно, период «холодной войны» также повлиял на воспри-

ятие образа королевы в корейском обществе, но об этом позднее.

Сегодня ни один серьёзный труд по периоду «открытия» Кореи (1876–1885) – будь то в Корее или на Западе – не обходится без упоминания королевы Мин. Её называют «украшением последнего периода династии Ли», «хитрым политиком, водившим за нос Россию, Китай и Японию», «самой политически влиятельной женщиной из всех представительниц династии Ли» и даже «основоположницей современного типа дипломатии в Корее». С середины 1990-х годов королева Мин стала превращаться в Мать Кореи, героиню отечественной истории, а заодно и сериалов, романов и мюзиклов. Но изобилие печатных материалов мало что проясняет в её судьбе. Достоверные сведения

первым нашим соотечественником, посетившим центральную часть страны. Работал чиновником корейской таможни, строительного ведомства, зарекомендовал себя перед начальством как человек исполнительный и разносторонних способностей и снискал доверие вана. В августе 1895 г. Коджон нанял его и двух американцев для посменного круглосуточного пребывания во дворце и наблюдения за японцами, которые с начала японо-китайской войны 1894–1895 гг. вели себя там, как в своей вотчине – увольняли строптивых и назначали покорных их воле сановников; не считаясь с волей монарха, издавали его именем указы; проводили реформы, многие из которых унижали национальное достоинство корейцев и были направлены против местных традиций – причёсок, одежды и т.д.

Были, однако, и весьма прогрессивные реформы: о наказании преступников только по суду, о выдвигании на должности независимого сословия, о запрете ранних браков, о разрешении повторных браков вдов и другие. Но все они были навязаны извне, и корейцы относились к ним резко враждебно.

Победа Японии над Китаем стала неожиданностью для всего мира. Опыта победы японцы совсем перестали считать с корейским ваном. Окружённый доносчиками и иноземными «менторами», он

стал заложником в собственном дворце и каждый день ожидал покушения. Коджон был робок и слабоволен, его армия плохо вооружена и необучена, и ему ничего не оставалось другого, как принимать диктуемые ему условия. Так продолжалось более полугода. Наём «людей с Запада», которым он доверял, в качестве «благородных свидетелей» стал одним из первых проявлений протеста Коджона против японского всевластия. Почему же он осмелился на такой шаг?

Главной причиной было изменение в расстановке сил на Дальнем Востоке. В апреле 1895 г. Россия, Франция и Германия (среди них Россия была инициатором) вмешались в ход переговоров об условиях мира между Китаем и Японией и вынудили последнюю отказаться от своего главного трофея – Ляодунского полуострова. Это

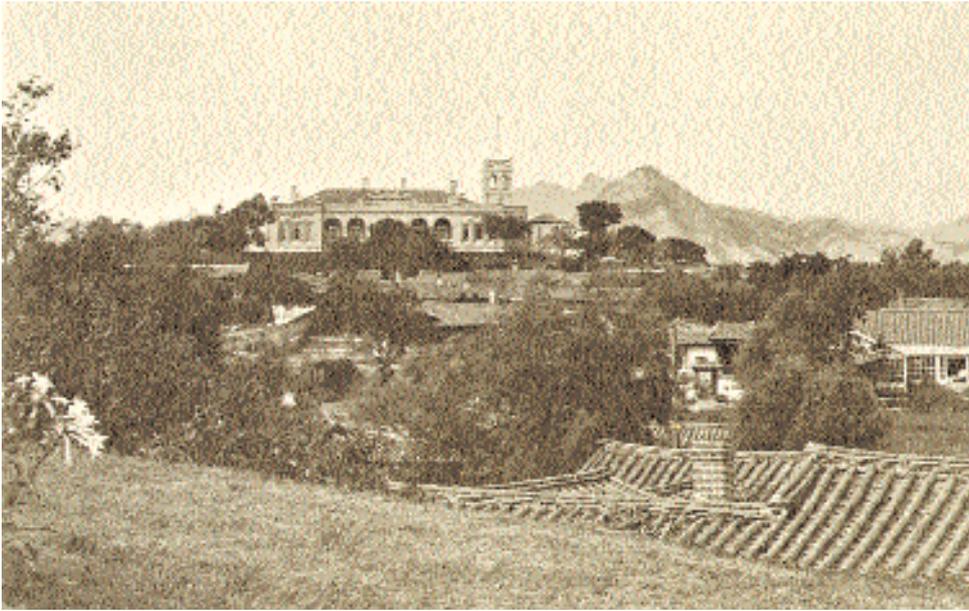

Та же улица в начале XX в.: в Сеуле появился трамвай.

о ней крайне скудны, биография по-прежнему слабо изучена, а толкования поступков противоречивы. Тем большую ценность представляют немногие сохранившиеся документы.

Один такой редкий документ сохранился в России¹. Он имеет прямое касательство к обстоятельствам гибели королевы, поскольку написан очевидцем – русским подданным дворянином Афанасием Ивановичем Серединым-Сабатиным, находившимся во дворце Кёнбоккун в то роковое утро 8 октября 1895 г. Важно пояснить, как он там оказался. К тому времени Середин жил в Корее уже давно, возможно, с 1883 г. Он был первым русским на корейской службе и, видимо,

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143, оп. 491 «Китайский стол» (Вице-консульство в Чифу). КН№ 121 – 1895 г.

Российская дипломатическая миссия в Сеуле, построенная по проекту Середина-Сабатина в 1888 г.

событие произвело огромное впечатление на Корею. Там увидели, что в мире есть сила, способная противостоять казавшейся столь могущественной, победившей Китай (!) Японии. Воплощением этой новой силы стала для корейских сановников Россия, которая была врагом их врагов. В результате «прояпонская» группировка при корейском дворе стала постепенно приходить в упадок. На смену ей пришла «прорусская», которая выдвинула новый политический курс: «Ближе к России, подальше от Японии». Главным инициатором и проводником этого курса стала королева Мин. Именно этого не простили ей японцы, а затем, после освобождения в 1945 г., и соотечественники в Республике Корея, где господствующей идеологией на несколько десятилетий стал воинствующий антикоммунизм, а слово «Россия» – синонимом слова «коммунизм». Первая книга о королеве Мин была опубликована в Республике Корея в 1993 г., вскоре после падения «железного занавеса» и установления дипломатических отношений с СССР.

Как же «прорусская» группировка осуществляла свой новый курс? С мая 1895 г. Каждый всё чаще встречается с временным поверенным России К.И. Вебером, хотя и до этого между ними установились доверительные отношения. Члены корейского кабинета начали выступать с критикой японских предложений. Даже те чиновники, что получили должности по протекции японцев, перестали беспрекословно подчиняться их указаниям. Затем последовало пригла-

шение во дворец постоянных иностранных наблюдателей. Свою задачу они выполнили. Именно свидетельства Середина и бывшего вместе с ним 8 октября во дворце отставного американского генерала Дая позволили воссоздать (пусть и частично) подлинную картину случившегося. Приведём фрагмент из докладной записки А.И. Середина от 18(30) октября 1895 г., написанной для русского вице-консульства в Чифу (Китай):

Меня толпа человек в 300 (солдаты, разная дворцовая прислуга и проч.) протащила во двор (здания. – Авт.), где помещалась Королева... Поддаваясь течению охватившей меня обезумевшей толпы, я увидел во дворе помещения Королевы пять японских солдат, стоявших часовыми у двух калиток, и одного японского офицера. При этом там был взвод корейских новых солдат¹ и 20–25 японцев в японских киримонах и европейском платье. Японские часовые стояли неподвижно, равно как и японский офицер. Вблизи корейского взвода солдат стоял очень приличной наружности и весьма прилично одетый японец (в европейском платье). Японец этот имел в правой руке обнажённый кинжал и по-видимому распоряжался и командовал остальными японцами, которые с криками и визгом вытаскивали корейских женщин за волосы и бросали за окна (с высоты около 6 футов). Всего за моё пребывание во дворе Королевы япон-

¹ Имеются в виду солдаты из отряда, где военными инструкторами и командирами служили японские офицеры. (Здесь и далее – прим. авт.).

Официальная одежда чиновников во времена династии Чосон.

цами было выброшено за окна во двор 10–12 женщин. Между прочим, ни одна из женщин не издала никакого звука, напр. вроде стона или крика, а также все женщины не производили никакого движения ни в то время, когда их тащили за волосы, ни во время своего падения... Всех виденных мною корейских женщин во дворе помещения Королевы я мог считать за убитых, но нахожу необходимым прибавить, что я не считаю себя вправе быть уверенным в этом... потому что мне хорошо было известно, что молчание корейских женщин было объяснимо весьма высокой степенью мужественности корейских женщин.

Сабатин провёл во дворе перед павильоном Синнёнгак, где находилась спальня королевы, около четверти часа (у него были при себе часы и он замечал по ним время всех происшествий). Представившись архитектором, он обратился к японскому предводителю по-английски с просьбой о защите, и это, видимо, спасло ему жизнь.

Я обратился к японцу со следующей фразой: «Я весьма сожалею, что я совершенно против своего желания и воли попал в это место. Находя, что при том возбуждении, в каком находятся все эти японские джентльмены, – при этом я указал глазами на японцев, таскающих корейнок за волосы, – я, к крайнему своему сожалению, вижу, что находится тут постороннему человеку небезопасно, а потому я имею честь обратиться с просьбой оказать мне ваше покровительство и защиту». – Япон-

ский предводитель всё это прослушал с серьёзным и сосредоточенным видом, всё время смотря на меня в упор. Подумавши с минуту, японец сухим отрывистым тоном сказал мне следующее: «Вы защищены; стойте здесь и не двигайтесь (you are protected; stay here and be stationary)». – Затем он хотел уйти. Я опять обратился к нему со следующими словами: «Я чрезвычайно вам благодарен за вашу любезность и попрошу вас довести вашу доброту до конца и дать мне одного или двух солдат, ввиду того, что другие японские джентльмены могут не знать, что я имею удовольствие быть под вашим покровительством». – Японский предводитель сейчас же вызвал двух новых корейских солдат... и велел им стать возле меня...

Сабатин не случайно представился предводителю заговорщиков архитектором. В Корее он действительно работал больше всего по этой специальности, хотя в молодые годы окончил мореходное училище и имел диплом штурмана. По его проекту в 1888 г. в Сеуле было построено самое первое здание европейского типа в Корее – российская дипломатическая миссия. В начале 1890-х годов Сабатин был техническим консультантом строительства знаменитого Мёндонского собора и Арки независимости, которые и поныне являются архитектурным украшением корейской столицы. Был Сабатин и журналистом, публиковался во владивостокских изданиях. Но описание убийства королевы Мин – это, несомненно, самое значимое его литературное сочинение.

В это время во двор вошёл один мне по наружности известный кореец. Посмотревши на меня, кореец издал радостно-удивлённое восклицание и остановивши пятерых японцев, начал им что-то весьма оживлённо говорить... Японцы круто повернули и бросились на меня с дикими криками... и яростью, причём мои телохранители посторонились, давая свободную дорогу японским разбойникам. Японцы схватили меня кто за воротник, кто за рукава и полы моего пиджака, и все одновременно кричали, грозили и спрашивали, чтобы я показал им Королеву. Пока они кричали мне по-японски и по-корейски, я делал вид, что совершенно их не понимаю и что будто удивляюсь их беспричинному, неделикатному со мною обращению. Но вот один из японцев, тащивший меня за воротник, обратился ко мне на довольно разборчивом английском языке: «Где Королева? Покажи, где Королева». Несмотря на все мои убеждения и приводимые мною резоны, что я никогда не видел лицо Королевы и что я, как европеец и вообще как мужчина, не могу иметь никакого права и возможности узнать не только Королеву Корейскую, но и её местопребывания, японцы тащили меня к дому Королевы, видимо имея твёрдое намерение заставить меня показать им Королеву.

Записки Середина опровергают мнение, что у заговорщиков якобы была фотография королевы Мин. Во время заговора они убили четырёх фрейлин, одетых лучше других. Убили на всякий случай, для надёжности, поскольку не знали, как выглядит та, на которую они охотились. Я думаю, что прижизненных изображений королевы не было вообще. В период Чосон в Корее изображать реальных женщин было строго запрещено – разве что безвестных простолюдинок. Кроме двух семейных портретов придворных, относящихся к XV в., не известен ни один женский портрет кисти корейского живописца. Конфуцианский кодекс поведения запрещал находиться вместе мужчинам и женщинам старше 7 лет. Позирование женщины, а тем более супруги вана, художнику-мужчине было немислимым. Высшей её добродетелью веками считалось неукоснительное следование нормам поведения, и нет никаких оснований считать, что королева Мин, известная как ревнительница традиции и противница новшеств, нарушала эти нормы. Первая корейская королева, облик которой известен по-

томкам, – следующая супруга Коджона Омби (1854–1911), именуемая в русской историографии «принцессой Ом». Её фотографии относятся к самому концу XIX века. Она стала избранницей Коджона тогда, когда многие европейские веяния проложили себе дорогу во дворец корейского монарха: короткие стрижки, духовой оркестр, военные мундиры на немецко-японский манер, светские приёмы и т. д. Королева Мин не дождалась до этих перемен и вряд ли их желала.

У тех, кто уверен в существовании изображений королевы Мин, существуют две версии. По одной из них, изображением королевы Мин следует считать портрет, опубликованный в 1906 г. с подписью: «Придворная дама в полном парадном облачении» в книге американского миссионера, журналиста и историка Г. Халберта «Уходящая Корея». Пока не удалось выяснить, кто первым назвал эту даму «королевой Мин» и на каком основании. Халберт, хотя и жил в Корее более 20 лет (с 1886 г.), лично с королевой никогда не встречался. Южнокорейский писатель На Хонджу категорически отказывается признать изображённую у Халберта даму королевой Мин. Он объясняет это тем, что «даже сейчас трудно себе представить интеллигентную женщину, которая бы сфотографировалась таким образом – с расставленными ногами. Ещё более невероятно, чтобы королева, Мать страны, которая традиционно выполняла все требования придворного этикета и владела конфуцианскими манерами в высшей степени, снялась бы в такой позе».

Согласно второй версии, облик королевы Мин запечатлён на фото молодой кореянки в простом платье из книги будущего первого южнокорейского президента Ли Сынмана «Дух независимости», написанной в 1906 г. и опубликованной в Сан-Франциско в 1920 г. Считается, что эта фотография была сделана в 1882 г., во время кровопролитного солдатского бунта в Сеуле, когда королева чудом избежала смерти, переодевшись в платье служанки. Однако и эта версия представляется маловероятной. И не только из того простого соображения, что в дни бунта у королевы вряд ли была возможность и желание фотографироваться, тем более в столь неподобающем её статусу облачении. Просто до 1883 г. в Корее не было своих фотографов, а иностранцы во дворец тогда не допускались.

В разгар японо-китайской войны, в сентябре 1894 г., когда Япония уже одержала несколько решительных побед над Китаем, в Корею для «укрепления дружбы» прибыла японская делегация и потребо-

Фото придворной дамы в полном парадном облачении, по одной из версий являющееся портретом королевы Мин.

вала встречи с королевой. Министр иностранных дел заявил им, что в Корее нет обычая супруге вана встречаться с иностранными послами, но те настаивали. Королева выполнила требование, сохранив при этом достоинство. Она появилась перед забывшими о приличии гостями в соответствии с традицией: скрытая за занавеской, хотя и наполовину приподнятой. Перед ней сидели две придворные дамы,

которые практически полностью закрывали свою повелительницу.

Американская миссионерка Лилиас Ардервуд, которая с 1888 г. была личным врачом королевы, так описала её внешность: «Мне хотелось бы дать читателю максимально точное описание облика королевы в лучшие её моменты, но это было бы невозможным, даже если бы она позволила себя сфотографировать» (выделено мной. – Авт.),

Такой представляет себе королеву Мин современный корейский художник.

поскольку очаровательная игра выражений, её характер и интеллект, раскрывавшиеся столь полно во время разговора, только частично проглядывали, когда её лицо находилось в покое. Причёску она носила как все корейские дамы: с пробором посередине, с волосами, зачёсанными очень аккуратно и плотно назад и завязанными узлом низко на затылке. На голове было маленькое украшение, завязанное узкой чёрной лентой. Похоже, что Её Величество мало заботилась об украшениях. Корейки не носят серёг, и королева не была исключением. Также я никогда не видела на ней кольца, броши или браслеты. Должно быть, у неё было много колец, но я никогда не видела на ней больше двух – европейской работы. По корейскому обычаю, она носила на боку несколько филигранных золотых украшений с длинными шёлковыми кистями. Её вкусы в одежде были такими простыми и изысканно-утончёнными, что трудно было представить, что она принадлежит к народу, который называют полувиллизированным. Немного бледная и худая, с заострёнными чертами лица и блестящим пронизывающим взглядом, она не поразила меня при первой встрече своей кра-

сотой, но сила интеллекта и сила характера в её лице читались отчётливо».

Известно, что лечившие королеву корейские врачи (всегда мужчины) «определяли» её пульс даже не по руке, а по шнуру, из соседней комнаты. Они держали в руках один конец шнура, в то время как другой был привязан к монаршему запястью. Язык королевы они рассматривали сквозь прорезь в ширме.

Вот как описывает жизнь кореенок английская писательница Изабелла Бёрд Бишоп, автор знаменитой книги «Корея и её соседи», несколько раз бывавшая в Корее в 1890 – 1896 гг.: «Корейки очень строго изолированы, может, более абсолютно, нежели представительницы других народов. В столице действовало очень любопытное правило. Около 8 часов вечера главный городской колокол отбивал мужчинам сигнал регироваться по домам, а женщинам – выйти наружу и развлечься. Правило, очищавшее улицы от мужчин, периодически давало сбой, и происходили инциденты, которые вели к ещё большему ужесточению означенного правила. В момент моего прибытия кромешно-тёмные улицы Сеула были заполнены исключительно женщинами и их служанками, несущими фонари. В 12 часов ночи колокол опять звонил, женщины расхо-

Тэвонгун, отец вана Коджона.

дились по домам, а мужчины вновь получили свободу передвижения. Высокопоставленная корейская дама говорила мне, что никогда не видела улицы Сеула днём».

...В то утро Сабатина вывели из дворца примерно в 5 часов 50 минут утра. Он предполагал, что королева была ещё жива. Никто точно не знает, каковы были её последние минуты. По одной из версий, когда японцы ворвались в её спальню, они увидели нескольких почти одинаково одетых женщин. «Кто из вас королева? Покажите нам королеву!» – кричали убийцы, потрясая оружием. Но женщины молчали. Напряжение было столь велико, что нервы королевы не выдержали. Она выбежала в коридор. Один из японцев догнал её, бросил на пол и несколько раз вонзил ей в грудь меч. Затем тело завернули в ковер и сожгли в сосновой роце в задней части Кёнбоккуна. После освобождения на этом месте построили этнографический музей.

Другая версия гибели королевы не менее драматична. Её невольно выдал министр двора Ли Гёнсик, закрыв собой и умоляя о пощаде. Заговорщики отрубили ему руки, а затем убили королеву. Преданный министр прополз несколько десятков метров,

«Принцесса Ом», жена вана Коджона после смерти королевы Мин.

Ван Коджон с наследником.

оставляя за собой широкий кровавый след, и умер у спальни короля.

Гибель королевы вызвала волну возмущения в народе. С октября 1895 по апрель 1896 г. в разных частях Кореи было убито 43 японских подданных.

События 8 октября 1895 г. серьёзным образом повлияли на судьбы всех, кто так или иначе был к ним причастен, в том числе и на судьбу Середина-Сабатина. Ему пришлось покинуть Корею. Вновь обратимся к его записке.

То, что я сделался свидетелем Сеульского инцидента, я считаю для себя несчастным обстоятельством. Во-первых, Его Превосходительство Поверенный в Делах в Корею (К.И. Вебер. – Авт.), посетивши совместно с прочими представителями (европейскими) в Корею Японского Посланника и выслушавши его уверения в том, что ни один японец не был замешан в нападении на дворец, сказал, что у него есть свидетель из европейцев, и передал Японскому посланнику всё, что я ему (Его Превосходительству) рассказал. Последствия этого были самые печальные: во-первых, все коноводы Сеульского инцидента, в том

Парящие фениксы. Вышивка с парадного одеяния королевы из Музея королевского быта дворца Токсугун (Сеул).

числе и предводитель, немедленно поспешили уехать из Сеула в Чемульпо (а там и из Кореи). Во-вторых, моя жизнь подверглась действительной опасности, так как японцы и корейцы новой (японской) партии подозревали, что я видел гораздо более, чем я видел в действительности. В тот же день вечером 8 октября н. ст. я был уведомлен одним европейцем и двумя корейцами, что очень вероятно на мою жизнь будет покушение, именно по той причине, что преступники из японцев и корейцев сильно подозревают, что я знаю очень много, что может их скомпрометировать; главное же, они боялись, что я могу их признать на могущей быть очной ставке. В результате мне пришлось не спать по ночам, а иногда, когда я получал уж очень тревожные для меня сведения, то приходилось и уходить на ночь из дому, что я и делал, чтобы не подвергать опасности свою семью... Получивши нервную лихорадку, находясь постоянно под страхом ожидания быть из-за угла убитым... я решил уехать из Кореи.

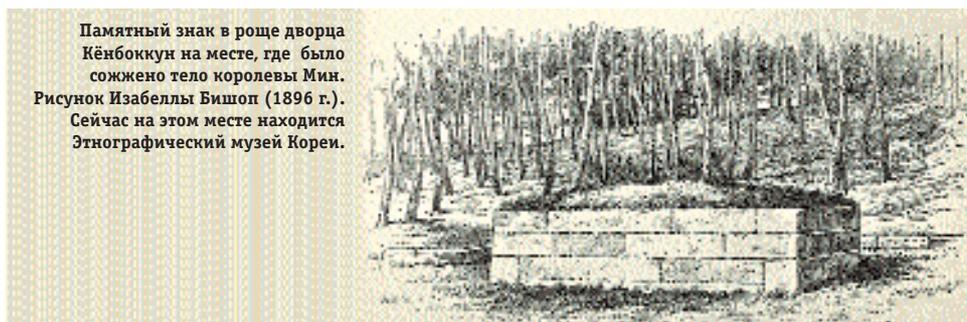
Из приведенного текста ясно, что Миура и его подручным не удалось скрыть свою

причастность к убийству королевы. Они бежали на родину, где были восторженно встречены толпой. Как уже упоминалось, заговорщики были отданы под суд, но разбирательство было формальным. Главная его цель состояла в том, чтобы сдерживать гнев других держав (в первую очередь России), настаивавших на наказании виновных, и избежать международного скандала. Поскольку в Корею виновные были уже объявлены и казнены (напомню, что все трое были корейцами и не имели к делу никакого отношения), суд в Хиросиме счёл это достаточным основанием для оправдания подлинных убийц. Немалую роль в том, что громко начинавшийся японский процесс сошёл на нет, сыграли противоречия между западными странами, в первую очередь между Англией и Россией. Японцы умело на них играли.

Из дневника одного из участников убийства Кобаякава:

Если оставить отношения Кореи и России в том виде, как они есть сейчас, то японское влияние на полуострове сведётся к минимуму, и судьбы Кореи будет вершить Россия. Это будет крахом не только полуострова, но и всего Востока и Японской империи. Умеренной политикой в Корею Япония не может противодействовать России. В таком случае как же надо поступить? Остаётся одно: прибегнуть к крайним средствам, прекратить корейско-русские контакты и устранить их сторонников. Говоря другими словами, надо устранить главную фигуру во дворце – королеву Мин – и тех, кто поддерживает союз с Россией. Если королевы Мин не станет, то какой бы ни был Вебер выдающийся, через кого тогда он будет влиять на Корею?

Очевидно, что убийство королевы было направлено, в первую очередь, против возможного союза Кореи с Россией. Другие цели: уменьшить накал страстей, сбить волну всеобщего возмущения японцев, вызванного утратой добытого кровью Ляодуна, и утратить корейцев. Суд в Хиросиме подчеркнул, что всё случившееся было

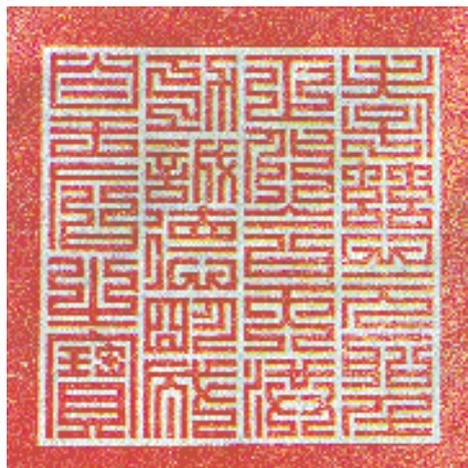

Памятный знак в роще дворца Кёнбоккун на месте, где было сожжено тело королевы Мин. Рисунок Изабеллы Бишоп (1896 г.). Сейчас на этом месте находится Этнографический музей Кореи.

личной инициативой Миура Горо и что японское правительство о его планах ничего не знало. Эта версия остаётся официальной до сих пор.

В своей докладной Середин-Сабатин попытался по-своему объяснить причины гибели королевы.

Корейская Королева настолько была умная женщина, а главное, благодаря своим прошлым горьким опытам, настолько осторожная и хитрая, что будь она предоставлена самой себе, т. е. не надеясь ни на чью помощь, она вышла бы и из настоящего затруднительного положения невредимо. В данном случае обстоятельства для несчастной Королевы сложились крайне неблагоприятно, а именно вмешались европейцы и обнадёжили Королеву в полной защите от всех опасностей. После того как японцы вынуждены были отступить от Порт-Артура и Ляодунского полуострова, Королева начала понемногу поддаваться влиянию уверений, что японцам не позволят распоряжаться в Корее. В особенности старались уговорить Королеву американцы, которые торопились воспользоваться настоящим положением дел и под шумок выговорить себе разные выгодные концессии и привилегии, в чём они (американцы) действительно и успели... В это же время и русский Представитель, Его Превосходительство КИ. Вебер, по-видимому, тоже пожелал иметь своё влияние, с каковой целью определил на службу корейского правительства свою родственницу г-жу Зонтаг (пожилая девица, эльзасская уроженка). Определённая (показная) должность г-жи Зонтаг была учреждена школы рукоделий для корейских благородных девиц, но при этом она была также в качестве советчицы по кулинарному искусству, сервировке стола во время парадных европейских обедов и проч. Благодаря своему исключительному положению, г-жа Зонтаг очень часто посещала Королеву и, как она сама

Оттиск посмертной печати королевы Мин, содержащий изображения восьми иероглифов, характеризующих её достоинства.

рассказывала, часто просиживала с нею 2–3 часа подряд. Всё это было бы очень хорошо в другое время и при других обстоятельствах, для Кореи более благоприятных, но в настоящее время несчастная Королева, видя такое к себе внимание от Представителя России, страны, заставившей Японию отказаться от дорогой всякому японцу мечты владения Ляодунским полуостровом, мало-помалу оставила свою обычную осторожность и начала действовать настолько самостоятельно, как если бы японцы уже совершенно очистили от своего присутствия Корею. Что крайняя, по моему скромному мнению, немного несвоевременная близость г-жи Зонтаг к Королеве довела раздражение японцев до последних пределов, в этом в Сеуле никто не сомневается.

Середин явно не испытывал расположения к Шарлотте Зонтаг. По его мнению, не будь её, японцы бы лучше относились к королеве и, возможно, не убили бы её. Автор бестселлера (вышел в Токио в 1988 г.) «Тайное убийство королевы Мин», японская писательница Цунода Фусако считает, что последней каплей, переполнившей чашу

Нефритовая посмертная печать королевы Мин ныне хранится в Музее королевского быта дворца Токсугун. Фото публикуется с любезного разрешения дирекции Музея.

терпения японцев в Корее, были чересчур тесные контакты Коджона и королевы Мин с русским дипломатическим представителем К.И. Вебером и его супругой – роскошной светской женщиной, постоянной гостьей на балах в корейском дворце. Южнокорейские историки Ли Минвон и Чхве Мунхён трактуют близость Коджона и королевы Мин к Веберу не как сознательный выбор их как людей и политиков, а как результат намеренных усилий России, которая, однако, никаких мер по их охране не предприняла, что, в конечном счете, и привело к гибели королевы. По их мнению, если бы королева Мин была осторожнее и действовала с оглядкой на японцев, если бы дала возможность событиям идти своим ходом, она бы сохранила свою жизнь.

С этим трудно согласиться. Политика *сейканрон* (покорения Кореи) обсуждалась в Японии и в правительственных кругах, и в народе, начиная с 1873 г. Все были единодушны в том, что миссия «просветить» корейцев лежит именно на японцах. Не было согласия только в вопросах о методах и сроках. Королева Мин знала всё это и боролась с японским проникновением всеми возможными и доступными ей способами, чтобы сохранить власть не только для Коджона и себя, но и для сына-наследника. Могла ли она, законная королева, гордая правительница страны, позволить, чтобы иностранцы указывали ей в её собственном дворце, собственной стране? Нет, она была не из тех, кто покорно склоняется перед обстоятельствами. Это подтверждают известные факты её биографии.

Жилые комнаты вана в Кёнбоккуне.

В отличие от многочисленных Кимов, Паков и Ли, в Корее проживает только один клан Мин. Он происходит из дер. Нынхёлли уезда Йоджу пров. Кенги. Здесь и родилась будущая королева 25 сентября 1851 г. В возрасте 8 лет она полностью осиротела. Неизвестно, кто была её мать, каким было её детство, что было причиной ранней смерти её родителей. Говорят, что её подлинное имя было Чаён, но тому нет никаких документальных подтверждений. До замужества её просто звали «дочь Мин Чирока», а после него – «Ваше дворцовое величество».

После смерти родителей родственники, в надежде на удачное замужество, отправили девочку в Сеул, где она поселилась в районе Ангук-тон в поместье, некогда принадлежавшем самой успешной представительнице клана – Инхён Ванху (1667–1701), жене 19-го вана династии Ли Сукчона (1675–1720). Через 7 лет надежды родни удивительным образом оправдались: она стала невестой вана Коджона. Важную роль в организации этого брака, а затем и в последующей судьбе королевы сыграл отец Коджона Ли Хаын, более известный по своему почётному титулу Тэвонгун (великий принц). В 1864–1873 гг. он был регентом при малолетнем сыне и прославился суровым правлением.

Когда Коджону исполнилось 14 лет, отец решил, что ему пришло время жениться, и стал искать ему невесту благородного происхождения, у которой не было близких родственников-мужчин. Он отвергал одну кандидатку за другой, пока его жена, сама по фамилии Мин, не предложила для сына не-

Дворцовые танцовщицы. Из нескольких сот дворцовых женщин ни одна не имела права выйти замуж, поскольку их мужем мог быть только один мужчина – ван. Фото конца XIX в.

сту из своего клана. Её описание потенциальной невесты показалось регенту подходящим: сирота, красива лицом, здорова телом, образованна не хуже, чем дочери из любого знатного клана. Встреча Тэвонгуна с будущей невесткой была устроена легко, поскольку они жили по соседству, и прошла успешно: в 20-й день третьего месяца по лунному календарю 1866 г. в сеульском дворце Чхандоккун состоялось бракосочетание и коронация супруги вана. Парик, который невеста вана была обязана надеть во время бракосочетания, был столь тяжёл, что его поддерживала сзади специально назначенная для этого придворная дама высокого роста. Затем началась ещё одна – трёхдневная – церемония почитания предков правящей династии. Девочка терпеливо и с достоинством их переносила, да и пожаловаться ей было некому.

Свою жизнь при дворе юная королева начала с упорного изучения тонкостей дворцового этикета. Вскоре она стала экспертом в этом вопросе и следовала правилам без малейших отклонений. Она была почтительна к родителям мужа, добра к слугам и постепенно заслужила всеобщее одобрение. Своё свободное время она посвящала необычному для женщин занятию – чтению древних китайских трактатов VIII в., таких как «Вёсны и осени» («Чхунчху»). Они считались своего рода пособиями по управлению государством. Королева читала их, потому что верила, что со временем её советы пригодятся су-

пруту. Она наблюдала за ним, изучала его характер и искала пути к его сердцу. Она поняла, что Коджон, формально являясь ваном, не имеет реальной власти, хотя мечтает о ней. Он боялся отца, который был суров к сыну и уступать трон явно не собирался. Молодого вана окружали чиновники, которые лишь выполняли то, что им приказывали. У него не было ни друзей, ни умных советников, в которых он так нуждался, и королева была полна решимости стать мужу доверенным лицом и другом. Прошло много времени, прежде чем ей удалось этого добиться, но терпения ей было не занимать.

Более пяти лет она «сторожила пустую комнату», если буквально перевести корейское выражение. Это означало, что Коджон не проявлял никакого интереса к ней как к женщине. Но и это испытание молодая королева переносила с неизменным спокойствием и достоинством. Она не была красавицей, а вокруг вана во дворце всегда было много красивых женщин. Стремясь победить соперниц, королева искала иных, чем внешняя привлекательность, путей к сердцу мужа. Согласно конфуцианским представлениям, женская ревность считалась великим грехом и была одним из «семи зол», делавших развод официально возможным. К другим из «семи зол» относились: неповиновение родителям мужа, неспособность родить сына, измена, наследственная болезнь, болтливость и воровство.

Помня о несчастной судьбе многих королей, королева Мин тщательно скрывала свои чувства. Скрыла она их и тогда, когда одна из дворцовых женщин родила вану его первого сына. Фаворитка была неблагородного происхождения и принадлежала к разряду *нэин* – т. е. служанок. *Нэин* поступали на службу во дворец в раннем детстве. Они мыли, чистили, убирали, шили. Прослужив 35 лет, они получали титул *сангун* и уходили на покой. Если кто-то из них удостоивался благосклонности вана, ей даровали титул *особая сангун*. Женщина, родившая тогда Коджону сына, была *особой сангун* по прозвищу Ли Йонбодан. Ли – её родовое имя, Йонбодан – название павильона во дворце, где она жила. Её сын получил почётный титул Ванхвагун.

Никто не знает, какие чувства испытала королева Мин, когда получила тяжёлую для неё весть о рождении у вана сына, но именно это событие стало в конечном итоге поворотным и счастливым в её судьбе. Она не стала медлить и сразу послала матери Ванхвагуна очень дорогой подарок. Тем самым она показала всем, что радость вана – радость и для его супруги. Вскоре во время какой-то официальной церемонии она поздравила Коджона с рождением сына. Он, несомненно, был удивлён. Есть мнение, что именно с этого времени во взаимоотношениях молодой ванской четы начался этап сближения. Тогда же возникла вражда королевы с Тэвонгуном, которая длилась долгие годы и значительно повлияла на многие события в истории Кореи. Тэвонгун был очень рад рождению внука и зачастил во дворец. Королева увидела в этом прямое для себя оскорбление и опасность: свёкор был достаточно влиятелен, чтобы сделать мальчика законным наследником трона. Этот ребёнок представлял для неё угрозу. Мысли, которые родились в её голове в тот момент, воплотились в жизнь 10 лет спустя, когда Ванхвагун неожиданно умер при невыясненных обстоятельствах.

Её время пришло, когда ей исполнилось 20 лет и шёл шестой год её жизни во дворце. Свершилось то, о чём она долго мечтала, о чём неустанно молилась Горному Духу, для чего приглашала толпы шаманок. Она забеременела. Тэвонгун послал ей много дикого женьшеня – панацею от всех болезней. Королева, хотя и ненавидела свёкра, но ела

Постановщики посвящённого королеве Мин современного южнокорейского мюзикла «Последняя императрица» не очень заботились об исторической достоверности (вверху).

Тронный зал дворца Кёнбоккун (внизу).

Официальный портрет вана Коджона.

его женьшень каждый день – во имя здоровья ребёнка. 9 ноября 1871 г. она родила сына, но он на следующий день умер. Отчаянию матери не было пределов. В душе она винила в этой смерти Тэвонгуна, считая, что он намеренно послал ей столько женьшеня. Чтобы «успокоить дух» покойного, она организовала во дворце пышные поминальные церемонии. В них участвовали несколько сот шаманок. Тысячи буддийских монахов в Кымгансане и Чирисане по монаршему приказу молились о душе усопшего без передышки в течение нескольких дней. Это нанесло весьма ощутимый ущерб государственной казне, но королева уже могла позволить себе быть расточительной. Были выявлены и «виновные» в смерти ребёнка. Шаманки объявили таковыми *особых сангун* Чан и Ли (мать Ванхвагуна). Ли удалось избежать казни, но Чан была казнена после ужасных пыток, заплатив жизнью за внимание вана.

Со стороны королевы это была акция устрашения, суровое предупреждение для потенциальных соперниц, а также утверждение своей силы, заявка на новое положение при дворе. Рождение сына, пусть и ту же умершего, значительно повысило её общественный статус. При дворе всегда существовала система наложниц. Никто не удивлялся, если придворная дама или служанка пользовалась «милостями» вана и рожала ребёнка. Но королева Мин не собиралась с этим больше мириться. С 1877 г., когда придворная дама Чан родила Коджону третьего сына Ли Кана / Ыйхвагуна (1877–1955), вплоть до смерти королевы в 1895 г. у вана не родилось ни одного ребёнка от дворцовых женщин. Только через 2 года после смерти королевы Мин «принцесса Ом» родила ему сына – Ли Ына / Ёнчхинвана (1897–1969), а дама по прозвищу Поннёндан была матерью его последнего ребёнка – дочери Токхе. Всего же у Коджона было семеро детей, трое из которых дожили до зрелого возраста. Наследником трона после Коджона стал его второй сын от королевы Мин – принц Чхок. Он родился 8 февраля 1874 г. и стал последним ваном династии Чосон, известным как Сунджон (1907–1910).

В том же 1874 г. Тэвонгуну всё же пришлось передать власть сыну. Сделать это его вынудили, в первую очередь, действия королевы

Королева Мин.
Современный портрет
в стиле старинных
дворцовых портретов.

Мин, которая сплотила вокруг себя серьёзную оппозицию свёкру. Ядро её партии составили члены клана Мин, 30 представителей которого к 1874 г. заняли стратегически важные посты в правительстве. Подарками и обещаниями королеве удалось привлечь на свою сторону некоторых родственников Тэвонгуна – из числа тех, которыми регент пренебрегал. Удалось ей заручиться поддержкой и многих видных конфуцианских учёных. Когда Коджон издал указ, в котором объявлял, что берёт власть в свои руки, вход во дворец, которым обычно пользовался Тэвонгун, был заложен кирпичом. Документов о том, кто отдал такой приказ, не сохранилось, но можно предположить, что произошло это не без участия королевы. Тэвонгуну ничего не оставалось, как ретироваться в свою усадьбу в Ангук-тоне, где он оказался в полной изоляции. Рядом с ним остался только один сын – Ли Джэсон, рождённый от наложницы. Его старший сын Ли Джэмён следил за ним и докладывал обо всех его действиях во дворец – королеве, которой преданно служил.

Через несколько дней после отставки Тэвонгуна в спальном павильоне королевы во дворце Кёнбоккун произошёл взрыв, вызвавший большой пожар. По подозрению был арестован слуга Тэвонгуна, но дело дальше не пошло. Королева была уверена, что инициатором инцидента был её свёкор, но оставила его без последствий: в конфуцианском обществе отец мужа неподсуден. Покушения на жизнь королевы, её родственников и при-

ближённых происходили регулярно, но она была хитра и проницательна, и ей всегда удавалось избежать гибели. Будучи матерью наследника и главой консервативной партии, она приобрела неограниченное влияние на государственные дела. Она правила «из-за занавески», и все знали, что, хотя приказы отдаёт ван, формулирует их королева.

Современные авторы нередко задаются вопросом, любила ли королева своего мужа. Цунода Фусако убеждена, что любила своего рода материнской любовью и черпала силы для своих политических ходов и интриг в его слабости. С мужем её объединяла общность судьбы и цели: сохранить власть для себя и для сына-наследника. Она делила с ним трудности, часто брала на себя ответственность при решении государственных и семейных вопросов.

А что же Коджон? Он также, без сомнения, был глубоко привязан к своей энергичной супруге. И тому есть подтверждения. Сразу после её убийства состоялась встреча Тэвонгуна, Миуры и Коджона. Вана вынудили подписать заранее подготовленные документы. Был создан прояпонский кабинет. Охраной дворца стали вестить японские офицеры. Но когда на подпись Коджону был представлен и указ, который лишал королеву Мин титула и низводил её до низшего сословия, он вдруг проявил неожиданную твёрдость. Вытянув руки, Коджон с негодованием сказал: «Отрубите их и, если они смогут, пусть подпишут, что вы от меня требуете, но до тех пор моя рука никогда не сделает ничего подобного».

Вид из окон королевского дворца.

В оформлении статьи использованы иллюстрации из книг:
Эпоха Чосон в фотографиях. Сеул, 1993 (на кор. яз.).

Ю Сивон. Прогулка по смутным временам последних лет династии Чосон. Сеул, 1996 (на кор. яз.).

Bishop I. Korea And Her Neighbours. N.-Y., 1898. PГБ: Н 878/39.

Hulbert H. The Passing of Korea. London, 1906. PГБ: Н 279/78.